

СОЦИОЛОГИЯ КУЛЬТУРЫ

СЕЛЬСКИЙ ЧИТАТЕЛЬ В ПЕРЕХОДНЫЙ ПЕРИОД: ТРАДИЦИОННЫЕ И ЦИФРОВЫЕ ПРАКТИКИ ЧТЕНИЯ И ОТНОШЕНИЕ К НИМ

Евгения Викторовна Петрова (evpetrova@hse.ru),
Екатерина Владимировна Шалонская

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»,
Москва, Россия

Цитирование: Петрова Е.В., Шалонская Е.В. (2022) Сельский читатель в переходный период: традиционные и цифровые практики чтения и отношение к ним. *Журнал социологии и социальной антропологии*, 25(1): 103–131.
<https://doi.org/10.31119/jssa.2022.25.1.4>

Аннотация. Рассматривается, как под влиянием цифровых трансформаций меняются практики чтения жителей сельской России. Исследование опирается на материалы экспедиций, собранные в селе Глазок (Тамбовская область, 2018) и сельском поселении Гжельское (Московская область, 2019). Экспедиции проходили в период, когда интернет уже стал привычной технологией для большинства информантов. Выяснено, что есть различия и в практиках, и в отношении к чтению у разных возрастных групп. Парадоксально, но положительное отношение к чтению не означает, что респонденты действительно читают. Так, в группе старших респондентов (более 50 лет) считают, что чтение очень важно, относятся к нему положительно, но практически не читают. Респонденты среднего возраста — более читающая группа, предпочитают в основном печатные книги, цифровую среду мало связывают с практиками чтения. Молодые респонденты (до 30 лет) относятся к чтению сдержаннее, но эта группа оказалась самой читающей. Фрагментированное чтение более распространено, чем чтение непрерывных (сплошных) текстов. Это характерно и для печатных, и для цифровых платформ. Однако информанты с разнообразными практиками чтения реализуют их и в традиционных, и в цифровых вариантах. Отмечено, что проблематика чтения для сельской среды тесно связана с образованием, а также отмечены ограничения сельской среды не только в технологическом, но в социокультурном контексте.

Ключевые слова: чтение, медиа, практики медиа, цифровые технологии, сельская Россия.

Введение

Развитие цифровых технологий повлияло на многие сферы жизни. Столь важное явление, как чтение, тоже меняется под влиянием новых тенденций. Мы попытаемся разобраться, что на современном этапе представляет собой чтение в сельской среде, как сельчане относятся к нему.

Существуют различные определения чтения. В Концепции программы поддержки детского и юношеского чтения дана следующая трактовка: чтение — «важнейший способ освоения научного, профессионального и обыденного знания, базовой социально значимой информации» (Концепция 2017: 4). М. Гудова приводит такое определение: чтение — «универсальный способ существования социально-коммуникативной подсистемы культуры как текста и практик его освоения» (Гудова 2015: 15). Как отмечает М. Самохина, при существующем множестве определений понятия чтения для работы с эмпирическими данными стоит обратить внимание на более «технический» подход. Исследователи в таком случае предлагают рассматривать чтение как «совокупность практик, методик и процедур работы с текстом» (Абушенко и др. 2003; Самохина).

Р. Шартье отмечает, что практики чтения, как и понимание содержания текста, связаны с используемым носителем: «Материальные характеристики письменного текста обуславливали наиболее важные, основополагающие практики письменной культуры и в то же время восприятие отдельных произведений» (Шартье 2006: 7). Развитие цифровых технологий активно влияет на читательские практики. Их трансформацию исследовали А. Воропаев (2012), Н. Сметанникова (2015), М. Назаров и П. Ковалев (2017). Отметим также, что современный этап развития практик чтения обозначен рядом авторов как переходный (Загидуллина 2015: 57; Борисенко и др. 2020: 41).

Исследователей давно интересует, как устроено чтение. Специфику практик чтения книг среди сельских жителей в конце XIX — начале XX в. изучали Н. Рубакин (1895), А. Смирнов (1903: 107–117), Дж. Брукс (Brooks 1985). Чтение периодических изданий этого периода исследовал Я. Шафир (1924). В своих текстах он не только описал существующие практики и структуру чтения, но и сформулировал рекомендации по постепенному внедрению периодических изданий в сельскую среду. Эти авторы зафиксировали период экстенсивного развития чтения, роста числа читателей в сельской местности. Став же массовым, чтение в основном рассматривалось сельчанами с прагматических позиций: они стремились читать для получения конкретной информации, знания. Такое отношение

зафиксировано и теми, кто занимался изучением чтения в начале XX в., и современными авторами (Смирнов 1903; Загидуллина 2015).

Во второй половине XX в. число грамотных в России было близко к 100 %. К примеру, в 1959 г. число грамотных в возрасте 9–59 лет в сельской среде было 98 %, в 1989 г. — 99,5 % (Ефимова, Долгих 2016: 82). Во второй половине XX в. проводились исследования читательских практик разных групп населения, в том числе сельских жителей. Стали появляться научные тексты, рассматривающие различные аспекты читательского процесса. Однако для целостного понимания всей системы чтения данных все же было недостаточно. Практики чтения сельских жителей изучали О. Чубарьян (1978), Ю. Арутюнян (1971), Б. Дубин (1978), Н. Добрынина (1978) и др. В рамках исследования Государственной библиотеки СССР им. В.И. Ленина, например, было отмечено, что 41 % женщин и 17 % мужчин, живущих в деревне, не читают книг (Чубарьян 1968). Ю. Арутюнян опирается на такую информацию: в некоторых регионах России только 19–30 % опрошенных сельских жителей читали художественную литературу (Арутюнян 1971: 180–181).

Стоит отметить, что чтение в тот период рассматривалось как престижное занятие, что влияло на высказывания респондентов. Они были склонны предоставлять недостоверную информацию о практиках чтения, завышая в словесных заявлениях свою «активность в этой сфере» (Соловьева 1978). При стопроцентной грамотности, повышении доступности и престижа чтения практики чтения книг были характерны для небольшой части сельских жителей. В основном сельчане читали периодические печатные издания, в том числе потому, что они оставались значимым источником информации, несмотря на то что в тот период уже были развиты радио и телевидение. Однако в этой системе роль чтения постепенно меняется. Чтение книг все больше связывают с образовательной сферой (в то время как периодическая печать и телевидение — с досугом).

В позднесоветский период исследователи отмечали значительный интерес к чтению. Однако в начале 1990-х годов произошло резкое изменение в читательских практиках. Новые тенденции формировались стремительно. Но исследователи в этот период в основном описывают ситуацию в российских городах. Характеризуя тенденции чтения 1990-х — начала 2000-х годов Б. Дубин отмечал, что «периферия российского общества — и социальная, и географическая — отрезана и все дальше «отодвигается» от его центров» (Дубин 2005).

Тенденция к увеличению наименований периодических изданий и постепенному, медленному росту тиражей после обвала рынка прессы в 1990-х годах (Касаткин 2014), как и в случае с книгами, наблюдается

с 2000-х годов. В этот период местные газеты читают 70 % сельских жителей. На втором месте общероссийские развлекательные издания. Наиболее популярны тонкие журналы для женщин, в том числе по «звездной» тематике. В журналах изменились способы подачи материалов: популярными стали шорт-листы, рейтинги «звезд» (Дубин и Зоркая 2009: 61–77). Это привело к преобразованию читательских практик: журналы стали не читать, а просматривать (Дубин 2010: 12–18). Печатные издания все реже оставались информационным источником, а в досуговой модели их значительно теснил главный на тот момент источник информации — телевидение.

По данным ВЦИОМ, в 2019 г. 47 % россиян не читали книг (ВЦИОМ 2019). С 2011 по 2019 г. также сократилось время, затрачиваемое на чтение газет и журналов, на 40 и 32 % соответственно (Григорьев 2019: 11). Как отмечают исследователи, люди не перестали читать, но меняются практики чтения. При этом число пользователей интернета растет. В 2020 г., согласно данным Российской ассоциации электронных коммуникаций (РАЭК), оно достигло 79 % (96,7 млн пользователей). Как отмечает Дж. Макинини, происходит бурное развитие чтения с экрана, которое во многом отличается от классического (Mceneaney 2006: 352–371). Снижается и восприятие ценности чтения, при этом относятся к этому факту в основном негативно (Борусяк 2017). Исследователи отмечают, что для российского общества «устойчивыми являются представления о фундаментальной значимости книги, о том, что вне чтения невозможно получение образования, формирование интеллекта и культуры» (Назаров, Ковалев 2017: 93).

Для современного этапа характерно, что чтение с листа и с экрана не противопоставляется, а дополняет друг друга (Борисенко и др. 2020: 41). Исследователи отмечают как особо важную практику чтения непрерывных (сплошных) текстов (Гостева и др. 2019: 39). Она имеет принципиальное значение в контексте развития читательской грамотности и чаще связана с книжной традицией. Практикам чтения сплошных текстов противопоставляется иное чтение — фрагментированное. Исследователи отмечают, что преобладающий вид чтения с экрана — чтение постов и комментариев. Особенности такой практики — сканирование текста, высокая скорость, интенсивность, поверхностность восприятия. Очевидно, что практики экранного чтения и чтения с листа отличаются. Однако есть важная деталь. В результате исследования практик чтения школьников выявлено, что переход на чтение с экрана быстрее происходил у читателей, имевших высокие показатели качества чтения и, как правило, хорошую успеваемость (Сметанникова 2015: 63).

Исследователями выявлены функции чтения и связанные с ними модификации, разработаны разные модели. Так, Ю. Мелентьева отмечает, что постепенное расширение функций говорит о масштабности чтения как явления, а также о многогранности влияния чтения как на развитие личности, так и на общество в целом (Мелентьева 2015: 38). В числе наиболее значимых модификаций выделяется учебное чтение и досуговое. Обе эти модификации широко представлены в современных практиках чтения. Однако на данном этапе, на наш взгляд, они серьезно меняются. Как отмечает М. Загидуллина, ссылаясь на исследование PISA (2012), «многие навыки цифрового и традиционного чтения похожи, цифровое чтение следует рассматривать как новую фазу развития чтения и читательских стратегий... “Цифровое неравенство” теперь касается не столько проблемы доступа к Интернету, сколько способности людей отбирать, оценивать и объединять информацию» (Загидуллина 2015: 54).

Характеристика эмпирической базы

Статья опирается на материал, собранный в двух экспедициях — в село Глазок (Тамбовская обл., 2018; рис. 1, 2) и сельское поселение Гжельское (Московская обл., 2019; рис. 3, 4). В эмпирическую базу вошли 38 глубоких интервью из Глазка, 53 — из Гжельского.

Село Глазок

Рис. 1, 2. Половозрастной состав респондентов села Глазок

Гжельское сельское поселение

Рис. 3, 4. Половозрастной состав респондентов сельского поселения Гжельское

С. Глазок и с. п. Гжельское

Рис. 5, 6. Половозрастной состав респондентов
обоих населенных пунктов

Проведено 91 интервью с 59 женщинами и 38 мужчинами. Возрастной состав интервьюируемых — 32 респондента старше 50 лет, 28 — в возрасте от 30 до 50 лет, 35 не достигли 30 лет (рис. 5, 6).

В период экспедиции в Глазке проживало около 500 человек. Село газифицировано, в него проведено оптоволокно. Это достаточно маленькое село, в нем было несколько магазинов, почта, отделение «Сбербанка», средняя школа, библиотека, Дом культуры, врачебный участок с палатами сестринского ухода. Рабочих мест не хватало. Многие жители, обычно мужчины, работали в Мичуринске, Тамбове и Москве. В Гжельском сельском поселении, в которое входят 14 населенных пунктов, проживало более 12 тыс. человек. В нем развитая инфраструктура, в том числе работали производства: «Гжельский завод художественной росписи», «Гжельский кирпичный завод», «Гжельский фарфоровый завод». В обоих населенных пунктах были и коренные жители, и приехавшие из других сел, городов, стран.

Так, село Глазок (Тамбовская обл., 2018) и сельское поселение Гжельское (Московская обл., 2019) имеют много различий, но относятся к довольно развитым сельским территориям. Наши экспедиции проходили в период, когда интернет уже был доступен большинству жителей.

Собранные глубинные интервью были обработаны в компьютерной программе Atlas.ti. Для анализа глубинных интервью использовались девять кодов: «чтение» — обозначает практику; «книги», «период. издания»¹, «интернет-источники» — указывают вид носителей; «практики описание», «практики отношения», «контент-описание», «контент-отношение» — характеризуют поведение и отношение аудитории. Эмпирическая база статьи закодирована в соответствии с вышеуказанной системой,

¹ В коды «книги» и «период. издания» вошла не только печатная продукция, но и ее неизменяемые электронные версии.

что дало возможность выделить чтение как практику и рассмотреть ее как отдельно, так и в сочетании с другими кодами.

Отметим, что в рамках проекта по изучению медиапотребления сельских жителей, запущенного в 2012 г. лабораторией медиаисследований Высшей школы экономики, была проведена серия экспедиций в следующие населенные пункты: д. Угоры (Костромская обл., 2012); Коксовское сельское поселение (Ростовская обл., 2013); д. Данауровка (Респ. Татарстан, 2014) и д. Середкино (Иркутская обл., 2014). Тема чтения была представлена в исследовательском гайде, но не стала фокусом текстов, написанных после этих экспедиций. О чтении тогда респонденты говорили мало, в основном быстро сворачивая на другие темы. Разговор сводился к воспоминаниям, как когда-то читали, или к краткому обсуждению текстов из школьной программы. Однако в экспедициях 2018 и 2019 гг. тема чтения стала заметнее, в ней появились новые повороты, выделились интересные тенденции. В следующих частях статьи представлены результаты анализа этого материала.

Практики чтения и отношение к ним

Пытаясь понять специфику практик чтения в сельской среде, мы пробовали разные сочетания кодов. В итоге стало ясно, что есть несколько групп респондентов, для которых характерны схожие практики чтения и отношение к ним. Проанализировав специфику групп, мы увидели, что есть еще один признак, который важен для этих групп — возраст респондентов. В нашей базе можно выделить три возрастные группы, внутри которых практики и отношение к ним схожи, а между группами есть существенные различия. Границы этих групп мы определили так: старшее поколение (более 50 лет), средний возраст (30–50 лет), молодые респонденты (до 30 лет).

Конечно, любое разделение по формальному основанию условно. В 25 лет у одного человека могут оказаться практики чтения, очень схожие с таковыми у человека в 31 год, а у другого — в 49 лет с практиками 60-летнего. Отметим, что в нашем исследовании мы оттачивались именно от содержания опыта респондентов, и только потом, увидев, что у некоторых респондентов он очень схож, мы выявили в том числе возрастной фактор. Охарактеризуем практики чтения и отношения к ним каждой из выделенных групп респондентов.

Наиболее четко выделяется группа старших респондентов. Они очень уважительно относятся к чтению, подчеркивают его особую значимость, во всех интервью откликаются на эту часть разговора. Однако именно эта группа наименее читающая. Мы не сразу заметили этот парадокс. Еще

в более ранних экспедициях (например, в Ростовскую область в 2013 г.) обратили внимание на весьма схожее и всегда положительное отношение старшей группы респондентов к чтению. Респонденты отмечали, что «читать — это важно», «конечно, надо читать», нередко с удовольствием вспоминали прочитанные книги. Активный период становления наших респондентов пришелся на время, когда читать стало модно, престижно. Складывалось впечатление, что старшая возрастная группа — самая читающая. Однако в ранних экспедициях подробно эту тему мы не анализировали.

Увидеть, что отношение к чтению и практики чтения принципиально различаются, мы смогли на материале экспедиций в село Глазок и сельское поселение Гжельское. Отдельными кодами были выделены чтение, описание практик и отношение к ним. В итоге оказалось, что при очень положительном отношении к чтению респонденты либо готовы описать то, как они читали «в молодости», либо разговор ограничивается выражением положительного отношения к чтению, а на попытки интервьюеров развернуть эту тему респонденты отвечали, что сейчас не читают («давно уже не читаю», «я уже отчитал свое», «у меня здоровья нет, чтобы читать» и т.д.).

Отметим две характеристики этой группы респондентов, помогающие нам хотя бы частично понять причины выявленного парадокса. Чтение респонденты в основном связывают с образованием, чаще всего вспоминают, как много читали, когда учились, или же называют в качестве любимых авторов классиков, изучаемых в школе. А образование тесно связано с проблематикой развития. Старшее поколение сельских жителей весьма скептически относится к своим социально-экономическим перспективам. О будущем мало говорят, связывают его только со следующими поколениями. В отсутствие перспективы развитие чтения оказывается рудиментарной практикой, в ней нет необходимости, она осталась в прошлом.

Вторая особенность, которая имеет значение для понимания выявленного парадокса, — старшая группа респондентов — это группа наиболее активных телезрителей. У всех респондентов старше 50 в период наших экспедиций был дома телевизор. В большинстве домохозяйств телевизоров несколько. Как заметил один из респондентов, «мы живем хорошо. У каждого свой телевизор». Телезрительство редко осознается респондентами как самостоятельный вид деятельности. При этом оно тесно связано с привычками, рутинными делами, обычным режимом дня. На наш взгляд, именно телевидение заменило досуговые практики чтения, о которых в интервью вспоминают респонденты. Некоторые респонденты

пользуются интернетом, но взаимосвязь практик чтения и этой технологии выражена слабо.

В отличие от первой группы, явного сходства практик чтения и отношения к ним среди респондентов среднего возраста мы не выявили. Большая часть респондентов этой группы читает мало. К чтению они относятся положительно, но довольно спокойно, не видят особой необходимости в этой практике для своей жизни, более открыто признаются, что мало читают. Есть респонденты, которые читают по необходимости (например, документы на работе, профессиональные издания). Они тоже оценивают чтение как положительную практику, но не испытывают дефицита в ней. Стоит отметить, что в этом контексте хорошо заметна условность возрастного деления на группы. Имеет значение скорее тот факт, продолжают ли респонденты работать не только в сферах², где требуется физический труд, или не имеют такой возможности (в сельской местности дефицит подходящих вакансий). Если остаются без работы, выходят на пенсию, то читают реже, чем те, кто продолжает профессиональный путь. Это еще одна иллюстрация существующей связи между чтением и оценкой своих жизненных перспектив.

Часть респондентов среднего возраста можно отнести к подгруппе активных читателей. Для них чтение — значимая часть жизни, о ней они говорят довольно подробно. Представители этой группы чаще других читают художественную литературу. Их вкусы сильно варьируются. Они читают и романы Дарьи Донцовой, Виктора Пелевина, и поэзию Сергея Есенина, Андрея Дементьева, и серию «Жизнь замечательных людей», и «Властелина колец» Джона Толкина, и «Власть тьмы» Льва Толстого, и «Чайку по имени Джонатан Ливингстон» Ричарда Баха, и «Куриный бульон для души» Джека Кэнфилда. Данный список может показаться необычным для сельской среды. Однако, на наш взгляд, он еще раз иллюстрирует, что формальная принадлежность к определенной территории не всегда означает содержательное совпадение. Пока мы перечислили в основном различия представителей группы респондентов среднего возраста. Но что их объединяет?

Почти все респонденты имели опыт чтения с цифровых устройств (в отличие от более старших респондентов, среди которых это встречалось значительно реже). В основном они читают посты в социальных сетях («ВКонтакте», «Фейсбуке», «Одноклассниках»), новости в агрегаторах («Яндекс», реже Google) и на сайтах («Москва 24», «РИА Новости»). Они

² В нашей базе есть интервью с художниками, чиновниками, учителями, библиотекарями.

также ищут и читают рецепты, советы, информацию о цветах или лекарствах, но не упоминают конкретных источников. При этом респонденты редко обращаются к интернет-форумам, научной и художественной литературе. Чтение в основном связывают с бумажными носителями и те, кто почти не читает, и те, кто читает много. Даже те респонденты, которые читают книги в интернете, рассказывали об этом только после разговора об опыте чтения традиционных книг. Это дополнительная практика, которая характерна для тех людей, у кого сформирована привычка читать в аналоговой среде.

С газетами и журналами чтение связывают значительно реже. О них вспоминали в других частях интервью (например, при обсуждении местных новостей, когда интервьюеры уточняли у респондентов, откуда они берут ту или иную информацию). В этой группе довольно четко видно, что газеты и журналы мало связываются с практиками чтения, сейчас они скорее ближе к сфере досуга, там же, где уверенные позиции у телевидения и частично появился интернет. В целом читательские практики этой группы респондентов более разнообразны, чем у старших жителей. Однако отношение к чтению более спокойное (положительное, но не восторженное).

Третья группа респондентов, которую мы выделили, — молодые люди (до 30 лет). Отношение к чтению у них варьируется от скептического (читают, но по необходимости) до спокойно-положительного.

Вот только если по литературе задали какое-нибудь произведение, то я его читаю. И всё (жен., 17 лет, Гжель).

Я вообще на самом деле как бы не прям любитель чтения, со школы как-то не задалось. Если честно, чтобы взять и прочитать книгу взахлеб, это не про меня. Я, знаете, маленькие сводочки какие-нибудь почитать, что-нибудь интересное (муж., 25 лет, Гжель).

Для меня телевизор — это сплошная какая-то ложь, не знаю, не интересные программы, и мне проще найти то, что мне нужно, в интернете или почитать книгу, чем смотреть то, что мне заливают с телека (жен., 23, Гжель).

Газеты и журналы в этой группе читают крайне редко. Обращаются к таким печатным изданиям от случая к случаю («купил журнал с любимым артистом», «в газете писали об этом, бабушка дала почитать» и т.д.). Для этой группы характерны самые насыщенные цифровые практики. Все респонденты пользуются ресурсами сети Интернет, имеют подходящие

для этого устройства. Парадоксально, что представители этой группы меньше всего говорят о значимости чтения, его обязательности, но читают не меньше (в основном больше), чем представители других групп. Респонденты читают художественную литературу («женские» романы, детективы, фантастику). В интернете данная группа ищет и читает учебные материалы, информацию об интересных фактах, советы, рецепты, описания лекарств и способов лечения, анекдоты и многое другое. Активно пользуются агрегаторами новостей «Яндекса» и Google, но также заходят на сайты СМИ («Медуза», «Российская газета», «Мичуринск.ру») или в новостные паблики в социальных сетях и мессенджерах («Лентач», Mash, «Мы Гжельцы»). В лентах («ВКонтакте», Telegram) они читают в основном развлекательный контент, в том числе о музыке, спорте, автомобилях, технике, кулинарии, кино. Как отмечалось выше, представители данной группы мало читают газеты и журналы, но могут «пролистать» издания, которые покупают старшие члены семьи («Наше слово», «Родник (Раменское)», «Тысяча советов», «Вестник ЗОЖ»). Только некоторые из них покупают периодику самостоятельно или читают ее в электронном формате («National GEO», «National Geographic», «Мир техники и технологий»).

Сравнивая практики чтения молодых респондентов и старших сельских жителей, мы увидели несколько тенденций, которые среди молодых представлены наиболее заметно (хотя отдельные тенденции были видны и ранее). Во-первых, стоит отметить, что трансформация практики чтения в цифровой среде привела к тому, что слово «чтение» для описания опыта взаимодействия с текстом в цифровой среде используется нечасто. Рассказывая о своем опыте, респонденты всех групп использовали слово «чтение», когда говорили о практике взаимодействия с бумажной книгой. А вот цифровые практики описывали по-разному. В группе молодых респондентов эта особенность особенно заметна, так как здесь наибольшее разнообразие цифровых практик. Во-вторых, характерное и для более старших групп отношение к чтению как к учебной деятельности среди молодежи представлено еще более четко. Однако в этой группе впервые появляется связь цифровых практик и учебы. В материалах экспедиции в Гжельское именно молодые люди проговаривают идею, что «в интернете можно учиться» (старшие поколения очень скептически относятся к этой идее). Чем больше респонденты используют интернет в учебных целях, тем чаще говорят о своем опыте цифрового чтения (именно с использованием этого слова). Третья особенность характеризует взаимосвязь практик чтения и медийных платформ. Нам нередко приходилось слышать в интервью со старшими респондентами, что причина того, что современная молодежь не читает — ее увлечение интернетом. Однако наш эмпи-

рический материал дает возможность увидеть, что закрепившаяся практика сохраняется даже тогда, когда меняется платформа. Проще говоря, те респонденты, которые любили читать книги в аналоговой среде, в цифровой среде тоже читают книги. Им удастся сохранить практику глубокого погружения, последовательного взаимодействия с текстом. Те же, кто в аналоговой среде читали с трудом и редко, в цифровой среде легко заменили эту практику. Фрагментированное чтение (пролистывание) журналов заменила схожая по структуре практика чтения (сканирование) информации в социальных сетях. Далее мы подробнее остановимся на этих особенностях.

От названия практик к сути чтения

Ранее мы обратили внимание, что в интервью респонденты используют разные слова, описывая свои практики чтения. Особенно это характерно для цифровой среды. В этой части мы проанализировали речь респондентов: какие слова они используют для описания практик чтения. Это помогло точнее понять, что интервьюируемые понимают под чтением, насколько они осознают эту практику. Анализ проводился на основе цитат, отобранных с помощью Atlas.ti. Выделялись и подсчитывались глаголы, которые обозначали бы практику чтения, были связаны с ней.

Выяснилось, что те респонденты, которые говорят о том, что они ничего не читают, обычно подразумевают под чтением только процесс получения информации из бумажных источников, преимущественно книг, чаще всего художественной направленности, многие из которых проходят в школе. Даже чтение периодических изданий не всегда попадает под определение чтения. Таким образом, респонденты интерпретируют понятие «чтение» именно как чтение художественной литературы, что как раз свойственно отечественной исследовательской традиции (Загидуллина 2015: 49–61). Поэтому неудивительно, что, хотя слово «читать» наиболее часто описывает практику чтения по сравнению с другими, в совокупности его аналоги употребляются приблизительно в половине случаев, которые в первую очередь касаются книг (рис. 7). На втором месте глагол «смотреть» и его производные, на третьем — «искать», оба слова в основном употребляются при описании практик чтения в интернете.

Более 50 % употребления слова «чтение» обозначает практики, которые в первую очередь относятся к книгам, еще около 15 % — к периодическим изданиям. При этом слова-аналоги, описывающие чтение, в отношении периодики употребляются чаще, нежели в отношении книг (рис. 8, 9).

(там) выкладывать
смотреть
 интересоваться
ЧИТАТЬ
 (там) написать
 заглядывать
 бороздить
 листать
 пробежаться

Рис. 9. Слова для обозначения практик чтения периодики

(там) написать
 (там) выкладывать
 узнать
 (за) лазать
 (там/мне) познакомиться
 использовать
 (там) расказать
 открыть
 искать/найти
 (мне) (пере/вы/по) слать
 (там) почитать
 (там) выкладывать
 получить информацию
видеть/глядеть/смотреть
 читать
 сидеть
 общаться
 (про) листать
 (за) вбивать
 (пере/по) зайти
 неопределенно
 (там) познакомиться
 следовать
 (мне) писать
 проверить

Рис. 10. Слова для обозначения практик чтения через интернет

Таким образом, под чтением сельские жители понимают в основном чтение книг и периодики, редко обозначая этим словом практики чтения в интернете. Это часто создает у интервьюируемых ощущение, что они не читают. На самом деле, почти все респонденты читают, но у сельских жителей старшего возраста эти практики выражены слабее и они, как правило, фрагментарны.

Развитие вариантов использования интернета способствует изменению практик чтения. На наш взгляд, слово «чтение» не может закрепиться при описании интернет-практик сельскими жителями по нескольким причинам. Во-первых, в интернете обычно представлен мультимедийный

контент, в котором трудно выделить отдельно текстовую часть. Во-вторых, важную часть практик чтения в интернете составляет процесс поиска, на котором респонденты часто делают акцент. В-третьих, информация в интернете имеет «узловой характер» и может подстраиваться под читателя, что не соответствует привычным представлениям о последовательном изложении и статичности текста (Mceneaney 2006: 352–371). В-четвертых, некоторые практики чтения «зашифрованы» в процесс переписки, поэтому не выделяются респондентами. На особенности цифрового чтения обращали внимание многие исследователи (см., например: Борисенко и др. 2020; Мелентьева 2015; Сметанникова 2015). В современный период трансформируется не только сама практика, но и отношение к ней.

О значимости учебного чтения в сельской среде

В анализируемом эмпирическом материале хорошо прослеживается значимость учебной модели чтения. Это характеристика объединяет все группы респондентов. Сельчане воспринимают чтение как возможность получить нужную информацию и необходимое действие для обучения.

И: А когда, бывало, вы последний раз читали что-то?

Р: В седьмом классе, наверное.

И: Правилось тогда?

Р: Тогда еще в восьмом классе, 7, 8 класс, тогда еще учился.

И: А потом почему перестали читать?

Р: Потом повзрослел (муж., 32 года, Глазок).

Сын с Тамбова привозит мне много газет. Он покупает, потому что у него три высших образования и последнее с красным дипломом, юридическое, ему нужно следить за всем (жен., 80 лет, Глазок).

Сельчане придают обучению серьезное значение, но связывают его с различными трудностями и ограничениями («учеба — это тяжело, не каждый потянет», «образование — это хорошо, конечно, но сейчас нам не по карману» и т.д.). Образовательный разрыв по сравнению с городскими жителями в сельской среде ощущается и осознается. При этом по частоте чтения книг различия между городскими и сельскими жителями существуют, но не являются непреодолимыми. К примеру, среди миллениалов не реже, чем в раз месяц, книги читают 54 % сельских и 61 % городских жителей (Радаев 2020: 145).

Важно отметить, что именно с образованием респонденты связывают свои представления о лучшей жизни. Возможно, такой результат мы полу-

чили из-за специфики нашей исследовательской оптики: мы спрашивали об опыте использования медиа, об отношении к нему, и действительно во многих интервью с этих тем в итоге выходили на взаимосвязь медиа и обучения. Это, на наш взгляд, тоже важная особенность, на которую стоит обратить внимание: в сельской среде, традиционно отстающей от городов в ресурсах и возможностях, медиа и образование находятся для респондентов в весьма близких смысловых полях, имеют много тематических пересечений. Однако разные возрастные группы отличаются отношением к медийным платформам, технологиям.

В наших экспедициях не было представителей старшей возрастной группы, которые бы продолжали образование. Учебное чтение для них тоже нехарактерно. Если спрашивали у старшего поколения, что они читают, то они всегда называли «школьных» авторов: Пушкин, Некрасов, Толстой, Достоевский, Тургенев и т.д. Этих авторов иногда перечитывают. Однако за пределы традиционного списка респонденты выходят редко. Учебное чтение в основном связывают с печатными книгами.

Вот у меня внук в 7 класс пошел, задали ему читать книжку. А я на чердак полезла, достала ее, говорю: «Андрюша, читай». А он мне говорит: «А зачем достала-то? Я открою интернет. Там есть». Открыл и закрыл. Вот и все (жен., 61 год, Глазок).

В средней возрастной группе тоже нередко вспоминали школьных авторов. Учебное чтение у этих респондентов разнообразнее. Однако связано оно, как правило, с профессиональной деятельностью, с функцией поиска нужной информации. Читают в основном не печатные издания, а тексты в интернете. Как уже отмечалось, практика чтения в интернете часто описывается с помощью других слов.

Я всегда книги эти листаю — я сажусь, открываю книги, оттуда копирую... интернетом. Он врет много просто, когда забиваешь в поиск, он тебе выдает какую-то... иногда там что-то проскальзывает вообще другое. Я этого опасюсь, лучше в интернете книги найти и копировать (жен., около 35 лет, Гжель).

У меня муж читает. Ему нужен профессиональный контент для работы. Себя прокачивать, развивать... Я не работаю. Не читаю (жен., около 30 лет, Гжель).

Как уже было упомянуто, в наших экспедициях выяснилось, что молодые жители — самые активные читатели в сельской среде. Это под-

тверждают и данные других исследований. Сельская молодежь читает не меньше, а больше, чем старшие поколения на селе, и примерно так же, как старшие поколения в целом (Радаев 2020:145). Однако, как отмечалось выше, в этой возрастной группе практики чтения тесно связаны с цифровой средой. Большинство респондентов решали свои учебные задачи с помощью ресурсов сети Интернет.

Техническое оснащение в селах отстает от городов. Однако постепенно и в сельской среде компьютер и мобильный телефон, как и доступ в интернет, стали привычными и доступными. Мы отмечали, что не всегда имеющиеся у респондентов модели телефонов, планшетов и компьютеров отвечают всем пожеланиям. Однако не сталкивались с ситуациями, когда чтение было бы невозможно из-за технических ограничений. Даже в тех случаях, когда респонденты упоминали, что читают с телефона, у них был доступ и к другим устройствам. Технические ограничения, например, не всегда давали возможность респондентам устанавливать желаемые компьютерные программы, быстро скачивать фильмы или играть в некоторые игры, но чтению эти ограничения не мешали.

В нашей эмпирической базе были два весьма заметных интервью с участницами программы «Учитель для России» (сохраняя анонимность респондентов, мы не конкретизируем личную информацию о них). У этих респондентов высокий уровень образования (высшее и два высших), опыт жизни в городе, характерный для городской среды опыт работы. Эти интервью отличались от других материалов нашей базы. У респондентов очень разнообразные цифровые практики, они пользуются большим числом различных платформ (Facebook, Twitter, Telegram, Instagram, «ВКонтакте», YouTube), выбирают довольно сложный контент (например, блоги об обучении португальскому, радио «Коммерсант» в интернете и т.д.). Интересно, что, переехав в село, респонденты сохранили большинство своих цифровых практик, основные особенности своего типа использования медиа. К этим интервью по насыщенности цифровыми практиками близки несколько интервью с молодыми респондентами. Для них характерна общая особенность: интервьюируемые увлечены темами (например, контентом иностранных или бьютиблогеров, игровыми стримами, социологическими исследованиями, современной поэзией, биографиями изобретателей и деятелей искусства), которые необычны для сельской молодежи. Интернет дает возможность поддерживать и развивать этот интерес. В этих ситуациях респондентов не отталкивает сложный контент, они с интересом читают в Сети, например, объемные книги, соответствующие их увлечению.

В наших материалах есть немало примеров, которые показывают, что в сельской местности сохранились домашние библиотеки (больше 10 книг).

Они были приблизительно у 50 % жителей Глазка и около 35 % гжельцев³. Однако в Глазке респонденты чаще всего не пользуются домашними библиотеками: большая часть книг хранится в коробках, например на чердаках, а что-то отдается. В Гжели книги стоят в шкафах и на стеллажах. Однако многие респонденты отмечают, что домашние библиотеки уходят в прошлое⁴. Респонденты старшего и среднего возраста больше дорожат ими. Для молодых респондентов ценность домашних библиотек неочевидна. На наш взгляд, это не столько связано с отношением к книгам как к таковым, сколько возникает из-за ситуации несоответствия наполнения этих библиотек реальным интересам респондентов. Стоит отметить, что если технические ограничения, мешающие читать в интернете, в сельской среде не заметны, то экономические существуют. Покупка бумажных книг требует трат, а в сельской среде привыкли экономить. В наших материалах есть интервью с библиотекарями, они признают, что молодежь не очень охотно пользуется услугами библиотек, но книжные фонды сельских библиотек опять же мало соответствуют интересам молодых людей, не успевают за изменениями. В этой ситуации интернет опять же привлекательнее и дает больше возможностей.

Взаимосвязь практик чтения и медиатехнологий

Практики аналогового (традиционного) чтения связаны либо с книгами, либо с газетами и журналами. Выше мы отмечали, что лучше всего к такому чтению относятся респонденты старшей группы, но именно они читают меньше всего. Практики чтения средней возрастной группы связаны уже не только с печатными изданиями, но и с цифровыми носителями.

Какими платформами пользовались наши респонденты? Чаще всего они используют поисковые системы (в основном «Яндекс», также «Яндекс.Новости», «Яндекс.Погода»), социальные сети («ВКонтакте»: новости, музыка, видео, общение; «Одноклассники»: новостной агрегатор, игры); мессенджеры (WhatsApp). Не столь популярны, но тем не менее заметны Facebook (в основном в Гжели как социальная сеть и новостной агрегатор), «Инстаграм» (по большей части в Гжели как соцсеть), Telegram (только в Гжели в качестве мессенджера и новостного агрегатора), Viber, «Скайп»

³ Не всем интервьюируемым был задан этот вопрос, так что, возможно, число домашних библиотек больше.

⁴ *Конкретно у меня нет, у мамы да. Ну мне кажется у предыдущего поколения прям библиотека»* (жен., 32 года, Гжель).

Интересы переменялись. Сейчас уже как-то ушло библиотеку дома держать (муж., 69 лет, Гжель).

(в основном в Глазке для общения с родственниками), YouTube (в Гжели чаще, используют в том числе для просмотра мультиков и фильмов), онлайн-магазины (по большей части в Гжели: «Лабиринт», Aliexpress, Lamoda, Wildberries, «Озон» и др.), Google. В интервью упоминались «Дискорд», сайты СМИ, «Твиттер» (в основном в Гжели), стриминговые сервисы (ivi, okko — только в Гжели; обычно респонденты ищут фильмы с помощью поисковика), Avito (для поиска работы).

При использовании большинства из этих платформ проявляются практики фрагментированного чтения, с частым переходом между разными текстовыми частями и между текстом и видео, текстом и аудио-контентом. В интервью эти перемещения зафиксировать непросто. Для респондентов не имеет значение тип контента, они не замечают этих переходов. Понять, как читал респондент, можно либо через дополнительные вопросы, либо по контексту, либо с помощью наблюдения (во время экспедиций у нас иногда была возможность использовать этот метод). Фрагментированное чтение было характерно и для предыдущих форм взаимодействия с контентом. К примеру, чтение некоторых журналов предполагает именно такую практику. Уместно вспомнить, что на определенном этапе журналы стали дополняться, например, дисками. Мультимедийная среда интернета дала возможность логично продолжить эти практики. Однако они стали еще более краткими и поверхностными.

Реже в наших материалах встречался другой вариант — чтение непрерывных (сплошных) текстов. Эта практика требует большей внимательности, сосредоточенности, ей необходимо отдельно выделить время (фрагментированное чтение легко встраивается между другими делами). Она довольно существенно отличается по структуре, необходимым навыкам, ресурсам.

И: Насколько часто ты отвлекаешься при чтении, насколько тебя затягивает, сколько можешь просидеть за книгой?

Р: Да много. Хоть целый день могу читать. Но сейчас редко удается.

И: То есть, у тебя, например, нет такого, что ты каждые полчаса отошел, чай заварил?

Р: Нет.

И: То есть затягивает?

Р: Ну, если интересно, то да (жен., 17 лет, Гжель).

Когда респонденты рассказывали, к примеру, понравившейся им сюжет, историю, иногда невозможно было понять, прочитали они ее, услы-

шали или посмотрели. Были ситуации, когда после дополнительных вопросов выяснилось, что часть из рассказанного была прочитана, а другая — из кино. Особенно это было заметно в интервью с молодыми респондентами, когда шел блок вопросов о трансмедиа. Выяснилось, что респонденты знакомы с такими популярными проектами, как «Гарри Поттер», «Властелин колец», киноселенные Marvel и DC. Большая часть респондентов не только смотрела фильмы, но и читала книги, листала комиксы, искала фанфики и вики-статьи: чем интереснее для них франшиза, тем чаще они обращаются к дополнительным материалам.

И: А что вас заставило читать, вам не хватило фильма?

Р: Ну, просто недосказанность там какая-то была, но очень здорово сделали, но все равно вот, зная, что у тебя вот есть здоровые книженции... я прочел... «Властелин колец»... там очень большая вселенная, которую даже сейчас развивают в видеоиграх. Жалко, что сериалов нет (муж., 25 лет, Гжель).

В нашей базе были интервью с респондентами средней возрастной группы, которые читали именно бумажные книги. Однако в основном практики глубокого чтения не привязаны только к аналоговой среде или цифровой. Для группы молодых людей это в принципе далеко не главный вопрос при выборе платформы. Они в первую очередь обращали внимание на ее доступность и финансовые ограничения. Такую тенденцию уже отмечали в своих исследованиях М. Самохина, А. Воропаев (2012) и В. Чудинова (2016)⁵. Даже удобство использования уступало значимости фактора доступности. По этой причине чтение в интернет-среде выбирали чаще, чем чтение книг (актуальные для молодых респондентов книги в сельской местности не просто найти). Предубеждения против традиционного чтения и негативное отношение к цифровому чтению нехарактерны для респондентов.

Практики глубокого чтения непрерывных (сплошных) текстов принципиально важны для серьезного образования, работы со сложным материалом, темами, проблемами. Развитие таких практик — важная задача. Смена варианта чтения с фрагментированного на чтение с глубоким погружением — редкая ситуация, требующая усилий и ресурсов. В нашей базе не было примеров такой смены. Однако если практика глубокого

⁵ «Сегодня многие жители нашей страны, которые ранее хотели прочитать ту или иную книгу, но не могли ее приобрести, получить в библиотеке, активно используют для этого электронные ресурсы» (Чудинова 2016: 348).

чтения сформировалась, респонденты могут так читать на разных платформах. Для молодых респондентов этот переход воспринимается вполне естественно. Выбор платформы скорее зависит от доступности интересного респондентам контента.

Наш материал не дает возможности, понять, как меняется чтение непрерывных текстов в цифровой среде. Мы предполагаем: есть риск того, что люди будут отвлекаться на другой контент, различные мультимедийные расширения. Ведь интернет-среда насыщена развлекательным, легким контентом, который весьма интересен нашим респондентам. Однако вместе с тем интернет-среда дает и новые возможности. Например, можно дополнять чтение другими практиками, способствуя большему погружению в контент. Для молодого поколения принципиально значимо взаимодействие с текстом, важно иметь возможность оставлять свой отклик. Интернет способствует стиранию территориальных границ, нивелирует пространственные ограничения.

Заключение

В беседах за пределами академического сообщества нам нередко приходилось слышать, что интернет стал причиной того, что люди стали меньше читать. Однако эксперты говорят скорее не об уменьшении масштабов чтения, а об изменении его характеристик. В современных условиях практики чтения находятся в переходной ситуации (Загидуллина 2015; Борисенко и др. 2020). На них оказывают серьезное влияние новые технологии, также меняется отношение к чтению. Некоторые исследователи отмечают, что чтение тесно связано с проблематикой образования и развития (Воропаев 2012; Самохина), это подтверждается и в нашей работе. Опираясь на материалы нашего исследования и его результаты, в этом разделе были сформулированы некоторые выводы.

1. Практики чтения и отношения к нему отличаются в разных возрастных группах. Выяснилось, что очень высоко оценивают значимость чтения респонденты старшего возраста. Однако именно в этой группе меньше всего актуальных читательских практик. Среди респондентов среднего возраста читают чаще, но чтение в основном связано с профессиональной деятельностью. Наиболее читающей группой оказались молодые респонденты.

2. В наших материалах практик цифрового чтения оказалось больше, чем традиционного. Для дальнейшего изучения данной темы важно обратить внимание на то, что цифровое чтение не всегда описывается респондентами как чтение. Для рассказа об этой практике используются

разные слова, многие из которых связаны с визуальным опытом (не читать, а смотреть). На наш взгляд, это необходимо учитывать для понимания специфики изменений чтения на современном этапе.

3. Практики фрагментированного чтения более распространены, чем практики чтения сплошных текстов. Они характерны и для чтения газет и журналов, и для цифровой среды (особенно в социальных сетях, мессенджерах, при поиске информации). Практики чтения сплошных текстов связаны в основном с книгами (как бумажными, так и цифровыми). Чем больше развиты интернет-практики, тем более разнообразны практики чтения.

4. Фрагментированное чтение и чтение сплошных текстов возможны на разных платформах с сохранением практики чтения. Мы выяснили, что практика чтения довольно устойчива, смена платформы не означает смену практики. На наш взгляд, этот вывод значим для верного понимания роли цифровых платформ на современном этапе. Они, несомненно, оказывают влияние на изменения чтения. Глубокое, осмысленное чтение, которое особо ценно в образовательных практиках, возможно сохранить в цифровой среде. Однако такое чтение значительно сложнее, чем фрагментированное, оно требует от читателя большей сосредоточенности, внимания, связанного с большим интересом к содержанию читаемого. Если человек привык фрагментированно читать печатные издания, сложно ожидать, что в цифровой среде он сможет без усилий начать читать непрерывные (сплошные) тексты. На наш взгляд, обучение чтению сплошных текстов в условиях цифровой коммуникации нуждается в большем внимании. Для решения этой задачи могли бы объединиться представители разных исследовательских направлений — педагоги, социологи чтения и литературы, медиаисследователи и др.

Наше исследование зафиксировало различия в практиках чтения и в отношении к ним разных возрастных групп респондентов. Для сельской среды, где характерна сильная связь поколений, эти различия могут означать в том числе изменение отношений между родителями и детьми. Цифровое неравенство, которое на данном этапе связано не столько с проблемой доступа к интернету, сколько со способностью людей отбирать, оценивать и объединять информацию, на наш взгляд, масштабирует эти изменения.

Выражение благодарности

В статье используются материалы, собранные в рамках проектов, поддержанных Программой «Фонда образовательных инноваций»: «Трансформация медиасреды и практик медиапотребления и медиаиспользования

в сельской местности России (кейс села Глазок Тамбовской области», 2018, «Трансформация медиасреды и практик медиапотребления и медиаиспользования в сельской местности России (кейс сельской агломерации Гжель Московской области)», 2019. Публикация подготовлена в ходе работы в проекте «Медиа в сельской России: технологии, практики, эффекты» (№ 19-04-041) в рамках программы «Научный фонд Национального исследовательского университета “Высшая школа экономики” (НИУ ВШЭ)» в 2018–2019 гг. и в рамках государственной поддержки ведущих университетов Российской Федерации «5-100». Авторы благодарят идейных вдохновителей, руководителей экспедиций, администраторов и всех участников этих проектов за поддержку исследования.

Литература

Абушенко В.Л., Грицанов А.А., Евелькин Г.М., Соколова Г.Н., Терещенко О.В. (2003) *Социология: энциклопедия*. Минск: Интерпрессервис; Книжный Дом. [<http://sociology.niv.ru/doc/encyclopedia/sociological/index.htm>] (дата обращения: 27.05.2021).

Арутюнян Ю.В. (1971) *Социальная структура сельского населения СССР*. М.: Мысль.

Борисенко Н.А., Миронова К.В., Шишкова С.В., Граник Г.Г. (2020) Особенности цифрового чтения современных подростков: результаты теоретико-эмпирического исследования. *Science for Education Today*, 10(5): 28–49.

Борусяк Л.Ф. (2017) Школьная литература: почему ее не любят школьники. По результатам исследования российских школьников и студентов. *Вестник общественного мнения. Данные. Анализ. Дискуссии*, 3–4(125): 187–196 [<https://cyberleninka.ru/article/n/shkolnaya-literatura-pochemu-ee-ne-lyubyat-shkolniki-po-rezultatam-issledovaniya-rossiyskih-shkolnikov-i-studentov>] (дата обращения: 20.10.2020).

Волков В. В., Хархордин О. (2008) *Теория практик*. СПб.: Изд-во Европейского университета в Санкт-Петербурге.

Воропаев А.Н. (2012) Электронное чтение в России: опыт исследования. *Университетская книга*, 1: 36–42.

ВЦИОМ (2019) Книголюб — 2019. *ВЦИОМ новости* [<https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/knigolyub-2019>] (дата обращения: 17.03.2021).

Гостева Ю.Н., Кузнецова М.И., Рябинина Л.А., Сидорова Г.А., Чабан Т.Ю. (2019) Теория и практика оценивания читательской грамотности как компонента функциональной грамотности. *Отечественная и зарубежная педагогика*, 4(61): 34–57.

Григорьев В.В. (ред.) (2019) *Российская периодическая печать. Состояние, тенденции и перспективы развития: отраслевой доклад*. М.: Федеральное агентство по печати и массовым коммуникациям.

Гудова М.Ю. (2015) *Чтение в эпоху постграмотности: культурологический анализ: автореф. дис. ... д-ра культурологии*. Екатеринбург: Уральский Федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина.

Добрынина Н.Е. (1978) Интернационализация чтения на селе (некоторые аспекты). Соловьева Н.Н. (ред.) *Книга и чтение в жизни советского села: проблемы и тенденции*. М.: ГБЛ: 19–48.

Дубин Б.В. (1978) Чтение и всестороннее развитие личности в условиях села. Соловьева Н.Н. (ред.) *Книга и чтение в жизни советского села: проблемы и тенденции*. М.: ГБЛ: 47–58.

Дубин Б.В. (2005) Другая история: культура как система воспроизводства. *Отечественные записки* [<https://strana-oz.ru/2005/4/drugaya-istoriya-kultura-kak-sistema-voisproizvodstva>] (дата обращения: 15.12.2020).

Дубин Б.В. (2010) О чтении и нечтении сегодня. В порядке комментария к статье Л. Борусьяк. *Вестник общественного мнения. Данные. Анализ. Дискуссии*, 3: 12–18.

Дубин Б.В., Зоркая Н.А. (2009) Чтение и общество в России 2000-х годов. *Социологические исследования*, 7: 61–77.

Ефимова М.Р., Долгих Е.А. (2016) Статистическая оценка грамотности населения России: от умения читать до ученых степеней. *Вопросы статистики*, 9: 77–84.

Загидулина М.В. (2015) Современное читателеведение и чтениеведение в западных Social Studies и проблемы изучения чтения в отечественной науке XXI века. Аскарова В.Я. (ред.) *Чтение. XXI век*. М.: Межрегиональный центр библиотечного сотрудничества: 49–61.

Касаткин С.С. (2014) Печатные СМИ в России: основные факторы формирования и этапы трансформации (конец XX-начало XXI в.). *Вестник РГГУ. Серия «Философия. Социология. Искусствоведение*, 4(126): 117–124 [<https://cyberleninka.ru/article/n/pechatnye-smi-v-rossii-osnovnye-factory-formirovaniya-i-etapy-transformatsii-konets-xx-nachalo-xxi-v-1>] (дата обращения: 24.01.2021).

Мелентьева Ю.П. (2015) Чтение: модели и модификации. Аскарова В.Я. (ред.) *Чтение. XXI век*. М.: Межрегиональный центр библиотечного сотрудничества: 37–49.

Назаров М.М., Ковалев П.А. (2017) Изменение медиасреды и современные практики чтения. *Социологические исследования*, 2: 84–95.

Правительство РФ (2017) Концепция программы поддержки детского и юношеского чтения в Российской Федерации. *Межрегиональный центр библиотечного сотрудничества* [<http://www.mcbs.ru/files/2018/Kontseptsiya.pdf>] (дата обращения: 17.08.2021).

Радаев В.В. (2020) *Миллиалы. Как меняется российское общество*. М.: Изд. дом Высшей школы экономики.

Рубакин Н.А. (1895) *Этюды о русской читающей публике. Факты, цифры и наблюдения*. СПб.: тип. А. А. Пороховщикова.

Самохина М.М. Чтение молодежи: XXI век (по результатам исследований 2001–2011 гг.). *Library.ru* [http://www.library.ru/1/sociolog/text/article.php?a_uid=338] (дата обращения: 05.08.2021).

Сметанникова Н.Н. (2015) Продвижение чтения с помощью чтения с экрана. *Библиотекосведение*, 3: 60–68.

Смирнов А. (1903) Что читают в деревне? *Русская мысль*, 7: 107–117 [<https://e-lib.nsu.ru/reader/bookView.html?params=UmVzb3VyY2UtMzIwMQ/cGFnZTAwMDAw>] (дата обращения: 08.11.2021).

Соловьева Н.Н. (ред.) (1978) *Книга и чтение в жизни советского села: проблемы и тенденции*. М.: ГБЛ.

Чубарьян О.С. (ред.) (1968) *Советский читатель. Опыт конкретно-социологического исследования*. М.: Книга.

Чубарьян О.С. (1978) *Человек и книга: социальные проблемы чтения*. М.: Наука.

Чудинова В. П. (2016) Чтение «цифрового поколения»: проблемы и перспективы. Лизунова И.В. (ред.) *Сибирь — Евразия: Труды I Международного научного конгресса*. Т. 3. Новосибирск: ФГБУН ГПНТБ СО РАН: 347–358.

Шартье Р. (2006) *Письменная культура и общество*. М.: Новое издательство.

Шафир Я. (1924) *Газета и деревня*. М.: Красная новь.

Brooks J. (1985) *When Russia Learned to Read: Literacy and Popular Literature, 1861–1917*. Princeton, NJ: Princeton University Press.

Mcneaney J.E. (2006) Agent-based Literacy Theory. *Reading Research Quarterly*, 3: 352–371.

OECD (2013) *Pisa 2012 Assessment and Analytical Framework. Mathematics, Reading, Science, Problem Solving and Financial Literacy*. OECD Publishing.

THE RURAL READERS IN TRANSITION: TRADITIONAL AND DIGITAL READING PRACTICES AND ATTITUDES

Evgeniya Petrova (evpetrova@hse.ru),
Ekaterina Shalonskaya

National Research University “Higher School of Economics”, Moscow, Russia

Citation: Petrova E., Shalonskaya E. (2022) Sel’skiy chitatel’ v perekhodnyy period: traditsionnyye i tsifrovyye praktiki chteniya i otnosheniye k nim [The rural readers in transition: traditional and digital reading practices and attitudes]. *Zhurnal sotsiologii i sotsialnoy antropologii* [The Journal of Sociology and Social Anthropology], 25(1): 103–131 (in Russian). <https://doi.org/10.31119/jssa.2022.25.1.4>

Abstract. The article examines how the reading practices of the residents of rural Russia are changing under the influence of digital transformations. The study is based on the materials of the expeditions collected in two Russian rural areas — the village of Glazok (Tambov region, 2018) and the rural settlement of Gzhelskoye (Moscow Region, 2019). The expeditions took place at a time when the Internet had already become a familiar technology for most informants. It was found that there are differences in both practices and attitudes to reading in different age groups. At the same time, paradoxically, a positive attitude to reading does not mean that respondents actually read. In the group of older respondents (more than 50 years old) they think that reading is very important, they treat it positively, but they practically do not read. Middle-aged respondents are a more reading group, prefer mostly printed publications, digital practices are secondary for them. Young respondents (under 30) are more reserved about reading, but this group reads the most. Fragmented reading is more common than reading long (solid) texts. This is typical for both print and digital platforms. However, informants with rich and diverse reading practices implement them in both traditional and digital versions. The authors conclude that the issue of reading for the rural environment is closely connected with learning and education. The main limitations of this environment are not in the technological, but in the socio-cultural context.

Keywords: reading, media, media practices, digital technologies, rural Russia.

Acknowledgements

The article uses materials collected during the projects supported by the Program of the “Educational Innovation Fund: media consumption and media use in rural areas of Russia (the case of the rural agglomeration Gzhel, Moscow region)”, 2019. The article prepared within the framework of the project “Media in Rural Russia: Technologies, Practices, Effects” (no. 19-04-041) supported by the program “Science Foundation of the National Research University Higher School of Economics (NRU HSE)” in 2018–2019 and with the state support for the leading universities of the Russian Federation “5-100”. The authors are grateful to the inspirers, expedition leaders, administrators, and all participants in these projects for the research assistance.

References

- Abushenko V.L., Gritsanov A.A., Yevlkin G.M., Sokolova G.N., Tereshchenko O.V. (2003) *Sotsiologiya: Entsiklopediya* [Sociology: Encyclopedia]. Minsk: Interpresservis; Knizhnyy Dom. [<http://sociology.niv.ru/doc/encyclopedia/sociological/index.htm>] (accessed: 27.05.2021) (in Russian).
- Arutyunyan Y.V. (1971) *Sotsial'naya struktura sel'skogo naseleniya SSSR* [Social Structure of the Rural Population of the USSR]. Moscow: Mysl' (in Russian).
- Borisenko N.A., Mironova K.V., Svetlana Shishkova S.V., Granik G.G. (2020) Osobnosti tsifrovogo chteniya sovremennykh podrostkov: rezul'taty teoretiko-empiricheskogo issledovaniya [Characteristics of Modern Adolescents' Digital Reading: Results of Theoretical and Empirical Research]. *Science for Education Today*, 10(5): 28–49 (in Russian).
- Borusyak L.F. (2017) Shkol'naya literatura: pochemu yeye ne lyubyat shkol'niki. Po rezul'tatam issledovaniya rossiyskikh shkol'nikov i studentov [Literature at School: Why

Do High-schoolers Dislike it]. *Vestnik obshchestvennogo mneniya. Dannyye. Analiz. Diskussii* [The Russian Public Opinion Herald. Data. Analysis. Discussions], 3–4(125): 187–196 [<https://cyberleninka.ru/article/n/shkolnaya-literatura-pochemu-ee-ne-lyubiyat-shkolniki-po-rezultatam-issledovaniya-rossiyskih-shkolnikov-i-studentov>] (accessed: 20.10.2020) (in Russian).

Brooks J. (1985) *When Russia Learned to Read: Literacy and Popular Literature, 1861–1917*. Princeton, NJ: Princeton University Press.

Chartier R. (2006) *Pis'mennaya kul'tura i obshchestvo* [Written Culture and Society]. Moscow: Novoye izdatel'stvo (in Russian).

Chubaryan O.S. (1978) *Chelovek i kniga: Sotsial'nyye problemy chteniya* [Man and Book: Social Problems of Reading]. Moscow: Nauka (in Russian).

Chubaryan O.S. (ed.) (1968) *Sovetskiy chitatel'. Opyt konkretno-sotsiologicheskogo issledovaniya* [Soviet Reader. The Experience of Sociological Research]. Moscow: Kniga (in Russian).

Chudinova V.P. (2016) Chteniye “tsifrovogo” pokoleniya: problemy i perspektivy [Reading the “Digital” Generation: Problems and Prospects]. In: Lizunova I.V. (ed.) *Sibir' — Yevraziya: Trudy I Mezhdunarodnogo nauchnogo kongressa*. [Siberia — Eurasia: Proceedings of the I International Scientific Congress]. Vol. 3. Novosibirsk: FGBUN GPNTB SO RAN: 347–358 (in Russian).

Dobrynina N.Y. (1978) Internatsionalizatsiya chteniya na sele (nekotoryye aspekty) [Internationalization of Reading in the Countryside (Some Aspects)]. In: Solovyeva N.N. (ed.) *Kniga i chteniye v zhizni sovetskogo sela: problemy i tendentsii* [Book and Reading in the Life of the Soviet Village: Problems and Trends]. Moscow: GBL: 19–48 (in Russian).

Dubin B.V. (1978) Chteniye i vstoronneye razvitiye lichnosti v usloviyakh sela [Reading and All-round Personality Development in Rural Settings]. In: Solovyeva N.N. (ed.) *Kniga i chteniye v zhizni sovetskogo sela: problemy i tendentsii* [Book and Reading in the Life of the Soviet Village: Problems and Trends]. Moscow: GBL: 47–58 (in Russian).

Dubin B.V. (2005) Drugaya istoriya: kul'tura kak sistema vosproizvodstva [Another Story: Culture as a System of Reproduction]. *Otechestvennyye zapiski* [Notes of the Fatherland] [<https://strana-oz.ru/2005/4/drugaya-istoriya-kultura-kak-sistema-voisproizvodstva>] (accessed: 15.12.2020) (in Russian).

Dubin B.V. (2010) O chtenii i nechtenii segodnya. V poryadke kommentariya k stat'ye L. Borusyak [On Reading and Non-Reading Today]. *Vestnik obshchestvennogo mneniya. Dannyye. Analiz. Diskussii* [The Russian Public Opinion Herald. Data. Analysis. Discussions], 3: 12–18 (in Russian).

Dubin B.V., Zorkaya N.A. (2009) Chteniye i obshchestvo v Rossii 2000-kh godov [Reading and Society in Russia of the 2000-s]. *Sotsiologicheskiye issledovaniya* [Sociological Research], 7: 61–77 (in Russian).

Gosteva YU.N., Kuznetsova M.I., Ryabinina L.A., Sidorova G.A., Chaban T.Y. (2019) Teoriya i praktika otsenivaniya chitatel'skoy gramotnosti kak komponenta funktsional'noy gramotnosti [Theory and Practice of Reading Literacy as a Component of Functional Literacy]. *Otechestvennaya i zarubezhnaya pedagogika* [National and Foreign Pedagogy], 4(61): 34–57 (in Russian).

Grigoryev V.V. (ed.) (2019) *Rossiyskaya periodicheskaya pechat'. Sostoyaniye, tendentsii i perspektivy razvitiya: otraslevoy doklad* [Russian Periodicals. Situation, Trends

and Development Prospects: Industry Report]. Moscow: Federal'noye agentstvo po pechati i massovym kommunikatsiyam (in Russian).

Gudova M.Y. (2015) *Chteniye v epokhu postgramotnosti: kul'turologicheskiy analiz: avtoref. dis. ... d-ra kul'turologii* [Reading in the Era of Post-literacy: Culturological Analysis: thesis abstract ... dr. of Culturology]. Yekaterinburg: Ural'skiy Federal'nyy universitet imeni pervogo Prezidenta Rossii B.N. Yeltsina (in Russian).

Kasatkin S.S. (2014) Pechatnyye SMI v Rossii: osnovnyye faktory formirovaniya i etapy transformatsii (konets XX — nachalo XXI v.) [Print Media in Russia: Major Factors of Formation and Stages of Transformation (End of XX — Beginning of XXI Century)]. *Vestnik RGGU. Seriya «Filosofiya. Sotsiologiya. Iskusstvovedeniye* [RGGU Bulletin. «Philosophy. Sociology. Art Studies» Series Academic Journal], 4(126): 117–124 (in Russian).

Mcneaney J.E. (2006) Agent-based Literacy Theory. *Reading Research Quarterly*, 3: 352–371.

Melentyeva YU.P. (2015) Chteniye: modeli i modifikatsii [Reading: Models and Modifications.]. In: Askarova V.Y. (ed.) *Chteniye. XXI vek* [Reading. XXI Century]. Moscow: Mezhtsentrnyy tsentr bibliotekhnogo sotrudnichestva: 37–49 (in Russian).

Nazarov M.M., Kovalev P.A. (2017) Izmeneniye mediasredy i sovremennyye praktiki chteniya [Media Landscape Changes and Current Reading Practices]. *Sotsiologicheskiye issledovaniya* [Sociological Research], 2: 84–95 (in Russian).

OECD (2013) *Pisa 2012 Assessment and Analytical Framework. Mathematics, Reading, Science, Problem Solving and Financial Literacy*. OECD Publishing.

Radayev V.V. (2020) *Millenialy. Kak menyayetsya rossiyskoye obshchestvo* [Millennials. How the Russian Society Changes]. Moscow: Izd. dom Vysshey shkoly ekonomiki (in Russian).

Rubakin N.A. (1895) *Etyudy o russkoy chitayushchey publike. Fakty, tsifry i nablyudeniya* [Sketches about the Russian Reading Public. Facts, Figures and Observations]. St. Petersburg: Tipografiya A.A. Porokhovshchikova (in Russian).

Samokhina M.M. Chteniye molodozhi: XXI vek (po rezul'tatam issledovaniy 2001–2011 gg.) [Reading by Youth: XXI Century (Based on Research Results 2001–2011)]. *Library.ru* [http://www.library.ru/1/sociolog/text/article.php?a_uid=338] (accessed: 05.08.2021) (in Russian).

Shafir Y. (1924) *Gazeta i derevnya* [The newspaper and the village]. Moscow: Krasnaya nov' (in Russian).

Smetannikova N.N. (2015) Prodvizheniye chteniya s pomoshch'yu chteniya s ekrana [Promotion of Reading via Screen Reading]. *Bibliotekovedeniye* [Russian Journal of Library Science], 3: 60–68 (in Russian).

Smirnov A. (1903) Chto chitayut v derevne [What is Read in the Village]? *Russkaya mysl'* [Russian Thought], 7: 107–117 [<https://e-lib.nsu.ru/reader/bookView.html?params=UmVzb3VyY2UtMzlwMQ/cGFnZTAwMDAw>] (accessed: 08.11.2021) (in Russian).

Solovyeva N.N. (ed.) (1978) *Kniga i chteniye v zhizni sovet'skogo sela: problemy i tendentsii* [Book and Reading in the Life of the Soviet Village: Problems and Trends]. Moscow: GBL (in Russian).

The Russian Government (2017) Kontseptsiya programmy podderzhki detskogo i yunosheskogo chteniya v Rossiyskoy Federatsii [Concept of the Program to Support

Children and Youth Reading in the Russian Federation]. *Mezhregional'nyy Tsentri Bibliotchnogo Sotrudnichestva* [Interregional Center for Library Cooperation] [<http://www.mcbs.ru/files/2018/Kontsepsiya.pdf>] (accessed: 17.08.2021) (in Russian).

VCIOM (2019) Knyholyub — 2019 [Book Lover — 2019]. *VTSIOM novosti* [VCIOM news] [<https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/knigolyub-2019>] (accessed: 17.03.2021) (in Russian).

Volkov V., Kharkhordin O. (2008) *Teoriya praktik* [Theory of Practices]. St. Petersburg: Izd-vo Yevropeyskogo universiteta v Sankt-Peterburge (in Russian).

Voropayev A.N. (2012) Elektronnoye chteniye v Rossii: opyt issledovaniya [Digital Reading in Russia: Research Experience]. *Universitetskaya kniga* [University Book], 1: 36–42 (in Russian).

Yefimova M.R., Dolgikh Y.A. (2016) Statisticheskaya otsenka gramotnosti naseleniya Rossii: ot umeniya chitat' do uchenykh stepeney [Statistical Evaluation of the Literacy of the Russian Population: from Knowing How to Read to Academic Degrees]. *Voprosy statistiki* [Questions of Statistics], 9: 77–84 (in Russian).

Zagidullina M.V. (2015) Sovremennoye chitatelevedeniye i chteniyevedeniye v zapadnykh Social Studies i problemy izucheniya chteniya v otechestvennoy nauke XXI veka [Contemporary Studies of Readers and Studies of Reading in Western Social Studies and the Problems of Studying Reading in Russian Science of the XXI Century]. In: Askarova V.Y. (ed.) *Chteniye. XXI vek* [Reading. XXI Century]. Moscow: Mezhregional'nyy tsentr bibliotchnogo sotrudnichestva: 49–61 (in Russian).